

Русские генштабисты в 1917—1920 годах. Итоги изучения

В.В. Каминский

В течение первого года советской власти на службе у нового режима состояло 679 выпускников Николаевской академии Генерального штаба — интеллектуально и профессионально наиболее подготовленных представителей почти 300-тысячного (на осень 1917 года) офицерского корпуса русской армии. К началу XX в. эта академия пользовалась наибольшим престижем, окончившие ее офицеры получали универсальное военное образование, им было гарантировано сравнительно быстрое продвижение по службе¹. К началу первой мировой войны чины Генерального штаба (всего — 1500-1600 человек²), составляя не более 0,5% численности русского офицерского корпуса, практически управляли русской армией.

Освобождение от присяги императору, сопровождавшееся отменой чинов и званий, предопределило политическое размежевание офицерских масс. Разгон большевиками Учредительного собрания (6 января 1918 г.) и подписание Брестского мира (3 марта 1918 г.) углубили социальный раскол в обществе и вызвали гражданскую войну. Среди прочих категорий русского офицерского корпуса революционное насилие 1917—1918 гг. «задело» чинов Генерального штаба в наименьшей степени. Зато участие генштабистов в строительстве вооруженных формирований противоборствующих сторон было поистине выдающимся. Так что фразу Деникина о том, что «вся сила, вся организация и красных и белых армий покоилась исключительно на личности старого русского офицера»³, можно отнести прежде всего на счет офицеров Генерального штаба. По разные стороны фронта нередко оказывались даже родные братья — выпускники Академии. Генерал-майор Николай Семенович Махров (1904 г. выпуска) 10 апреля 1918 г. добровольно поступил в РККА и продолжал служить в ней всю гражданскую войну, тогда как Василий (выпуск 1914 г.) и Петр (1907 г. выпуска) Махровы служили в деникинских Вооруженных силах Юга России⁴. Полковник Виктор Иванович Моторный (1908 г. выпуска) с 24 мая по 28 ноября 1918 г. занимал должность начальника отдела Оргупра большевистского Всероглавштаба, а его брат Владимир (1912 г. выпуска) значился на 24 февраля 1919 г. в армии Колчака начальником штаба Саратовского фронта. Такие примеры — отнюдь не исключение⁵.

Обострение обстановки весной—летом 1918 г. в условиях окончательного распада старой армии обусловило необходимость формирования в проти-

Каминский Валерий Владимирович — магистр искусств, Университет им. Бен-Гуриона в Негеве (Израиль).

воборствующих лагерях новых боеспособных частей. Эта сложнейшая работа выявила острый недостаток опытного командного состава как у красных, так и у белых; недостаток этот не был преодолен и к середине 1919 года ⁶.

В тех условиях важен был уже сам факт обучения того или иного офицера в Академии Генерального штаба. Даже лица, находившиеся лишь на положении слушателей старшего или младшего курсов, могли рассчитывать на получение высокой должности как у белых (например, у Колчака наряду с выпускниками Академии до 1917 г. далеко «продвинулись» курсанты и выпускники 1917—1918 гг.) ⁷, так и в РККА ⁸. Лица Генерального штаба в РККА в 1918 г. оказались в особом положении.

С учреждением в марте 1918 г. Высшего военного совета военным руководителем его был назначен Генерального штаба генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич. В апреле 1918 г. появились первые губернские военкоматы, военруками которых были назначены исключительно офицеры старого Генерального штаба ⁹. В начале мая 1918 г. был создан Всероглавштаб, имевший в своем составе Всероссийскую коллегия по формированию Красной армии, Главное управление Генерального штаба, Главный штаб, Главный комиссариат военно-учебных заведений. Подавляющее большинство сотрудников этих заведений были опять же офицеры Генерального штаба. К июлю в составе отрядов и частей «Завесы», сдерживавшей продвижение германских войск, были сформированы отряды — прообразы будущих дивизий РККА. Возглавили эти отряды главным образом генштабисты. В штабах Западного и Северного участков Завесы на всех основных должностях состояли выпускники Академии Генерального штаба (всего — 201 человек). Когда осенью 1918 г. с образованием Реввоенсовета Республики его Полевой штаб и Управление делами вобрала в себя все основные управленческие структуры РККА, «ключевые» должности там также заняли «лица Генерального штаба» ¹⁰.

Декретом от 29 июля 1918 г. Совнарком положил начало политике мобилизации бывших офицеров в РККА. Вплоть до конца 1918 г. эта политика проводилась жестко; но «лиц Генерального штаба» большевистские мобилизации фактически обошли стороной: методы привлечения их на службу в РККА отличались в то время значительной «мягкостью». Большевики приставили своих комиссаров к командирам из числа бывших офицеров для контроля за их деятельностью, однако характер их сотрудничества с «лицами Генерального штаба», по крайней мере в 1918 г., нередко зависел от личных взаимоотношений. В условиях развязанного по всей стране террора, который начался задолго до официального объявления его 5 сентября 1918 г., офицерство в списке жертв ЧК стояло на одном из первых мест, но отношение и этого органа к «лицам Генерального штаба», находившимся на службе в РККА, отличалось неожиданной мягкостью.

К концу 1918 г., с завершением формирования властных структур в белом движении, сложилось количественное и качественное превосходство «лиц Генерального штаба» в РККА по сравнению с «белым» лагерем на Юге и Востоке (точных данных по Северо-Западной армии Н.Н. Юденича нет). В РККА на различных этапах 1918 г. служило 679 генштабистов, или 42-45% от всей численности корпуса Генерального штаба. Такая цифра превышала количество «генштабистов», служивших у Колчака (по данным на 24 февраля 1919 г. — 289 человек), в 2,3 раза. В армиях Деникина едва ли могло быть больше 100 выпускников и слушателей Академии 1917—1918 гг., поскольку основная их часть оказалась в «белом» лагере на востоке России вследствие эвакуации Академии в Казань летом 1918 года. Всего за время гражданской войны у Деникина служило 206 штаб-офицеров и генералов Генерального штаба. Считая вместе с выпускниками 1917—1918 гг., Деникин за весь период гражданской войны мог располагать не более чем 300 офицерами Генерального штаба, что уступало количеству генштабистов, находившихся в РККА в 1918 г., почти в 2,3 раза ¹¹. Даже если объединить количество выпускников Академии, находившихся у Колчака, Деникина и Юденича (всего примерно 648), то и тогда, за всю гражданскую войну в «белом» лагере генштабистов

было не больше, чем в РККА. Однако подобного объединения «белых» сил не было достигнуто; к тому же армия Юденича начала активизироваться только в 1919 году.

Себе на службу большевики поставили лучшую по качеству часть генштабистов — у них оказалось больше офицеров, закончивших Академию до 1914 г. включительно и имевших опыт штабной работы. Если сосчитать вместе генштабистов (генералов и штаб-офицеров) довоенных выпусков, которые находились у Колчака и Деникина за весь период гражданской войны, то окажется, что в РККА только в 1918 г. таковых насчитывалось в 1,6 раза больше.

Историки-эмигранты, среди которых были и выпускники Академии Генерального штаба, первыми на Западе сделали попытки понять роль офицерского корпуса в русских событиях 1917—1920 годов¹².

Комплекс вопросов, связанных со строительством РККА в 1918—1920 гг. рассматривался и в советской литературе. При этом ряд изданий 1920-х годов, например, «Гражданская война» под редакцией А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана (1928 г.), выгодно отличался от более поздних советских работ как информативностью, так и свободой от «историко-партийного» подхода, который больше напоминал отражение господствующей в обществе идеологии, нежели направление какой-то научной «школы»¹³. Тем не менее в советской литературе 1970—1980-х годов встречались работы, богатые фактическим материалом¹⁴. Так или иначе, распад СССР в 1991 г. сыграл злую шутку с немалой частью российской историографии: не успев избавиться от историко-партийных навыков, многие историки принялись за предвзятое восхваление «белого» движения. Такая апологетика проявляется при исследовании как его социальных структур, так и судеб конкретных участников, заставляя, как правило, отдавать предпочтение «белым» мемуарам в ущерб анализу документов¹⁵.

Предпринимаемые в последние годы попытки взглянуть на события 1917—1920 гг. с учетом комплексного воздействия всех факторов социального развития, без предвзятости, свойственной партийной политизации или «белой» апологетике, свидетельствуют о зарождении нового подхода в российской историографии¹⁶.

Западные исследования 1960—1990-х годов можно разделить на две группы: «левые» и «правые». «Левые», приверженцы неомарксистского «классового» понимания революционных событий (одним из первых по этому пути пошел Л. Хеймсон), преувеличивают фактор роста политической активности городского пролетариата и симпатии русских рабочих и солдат к большевикам в момент Октябрьского переворота, рассматривая большевистское правление как «пролетарское», то есть якобы выражавшее интересы рабочих, а исход гражданской войны объясняют широкой социальной поддержкой большевиков и потому считают победу красных «исторически закономерной». Фактически, «левый» подход в западной историографии обосновывал легитимность большевистского режима, оправдывая тем самым не только путч 25—26 октября 1917 г., но и последующую политику государственного террора и развязывания гражданской войны¹⁷. После распада СССР, в условиях кризиса всей советской системы ценностей, приверженцы подобного подхода оказались перед необходимостью пересмотра своих концепций.

«Правый» подход оказался более жизнестойким. Во многом его обоснование связано с работой Л. Шапиро, доказывавшего, что вплоть до августовского корниловского мятежа партия большевиков не пользовалась политическим влиянием. В 1970—1990-х годах сторонники такого подхода объясняли Октябрьский переворот не авторитетом большевиков среди рабочих и солдатских масс, а стихийной левой радикализацией этих масс вследствие неспособности Временного правительства решить наиболее насущные вопросы (мир, земля). Некоторые из западных ученых — сторонников «правого» подхода считают Ленина и большевиков прямыми виновниками развязывания массового террора и гражданской войны¹⁸. При всей условности деления западной историографии 1960—1990-х годов на «левых» и «правых», выделить третье,

«нейтральное» направление затруднительно, поскольку практически все историки, писавшие в эти годы о русской гражданской войне, так или иначе склонялись в своих оценках «влево» либо «вправо».

В исследование социальных проблем русского офицерства существенный вклад внесли советские и российские историки¹⁹. Положение офицеров Генерального штаба в условиях разложения армии в 1917 г. затронуто в трудах М. Френкина и А. Уайлдмена, особенно в статье последнего, посвященной восприятию генштабистами корниловского выступления²⁰. Общая проблема восприятия русским офицерством в целом, и офицерами Генерального штаба в частности, факта большевистского переворота, а затем большевистского режима частично освещена в статьях Д. Джоунса и в книге М. Майзеля²¹.

Проблему размежевания кадрового офицерства в гражданской войне поставил в свое время публицист-эмигрант А.С. Белоруссов (в статье «Красное офицерство», 1919 г.). По социальным настроениям он разделил все офицерство на три группы: «В первой, весьма малочисленной, были "стоящие на советской платформе" — коммунисты искренние, или "октябрьские", ...настолько скомпрометированные своим близким участием в кровавой работе большевиков, что вне советского строя им выхода не было. Во второй — столь же малочисленной — так называемые контрреволюционеры, невзирая на необычайный гнет, сыск и террор советской власти, работавшие активно против нее. Работа эта проявлялась в разрозненных вспышках, восстаниях, покушениях, в переходе на сторону "белых армий"... эти факты имели... эпизодический характер, мало отражаясь на общем ходе событий. Наконец, третья группа, наиболее многочисленная, брошенная в ряды Красной армии голодом, страхом, принуждением, разделила общую судьбу русской интеллигенции, обратившейся в "спецов". Страдающие морально или беспечные, нуждающиеся или берущие от жизни все что можно, они слились в одну массу лояльных советских работников»²².

Такая классификация, несмотря на очевидный бело-апологетический подход автора, имеет веские основания, отражая далеко не единообразное восприятие событий различными категориями офицерства. Вопросы, связанные с политическим размежеванием офицерства, рассмотрены и в работах ряда современных историков²³.

Военно-политическая деятельность офицеров белых армий, включая и генштабистов, продолжает привлекать внимание. Однако работы, авторы которых стремятся охватить широкий спектр проблем, как в событийном, так и в географическом плане (Юг, Восток, Север), имеют преимущественно обзорный характер²⁴. Большей глубиной анализа отличаются те исследования, в которых внимание сосредоточено на более ограниченных аспектах проблематики. Таковы работа П. Кенеза о событиях на Юге России, книги Дж. Смили и П. Флеминга о Колчаке, а также исследования ряда российских историков, которые содержат интересный материал как о социальных настроениях офицерства, служившего в белых частях на Юге и Востоке, так и о количественном составе корпуса офицеров Генерального штаба в «белом» лагере в различных регионах России²⁵.

Проблема привлечения на службу в Красную армию русских офицеров вообще и офицеров Генерального штаба в частности, освещалась еще в трудах белой эмиграции²⁶. В упомянутой статье Белоруссова отмечено, что русское офицерство «поставило Красной армии множество своих членов, и не только прапорщиков запаса, которые были увлечены потоком революции или были с самого начала ее активными деятелями, но генералов, полковников и т.д., составивших свое положение при старом режиме, служивших ему верой и правдой»²⁷. В современных западных исследованиях также рассматриваются особенности службы генштабистов в РККА в 1918—1920 годах. Как подчеркивает Модзли, проблеме их привлечения в РККА большевики уделяли повышенное внимание. Дж. Эрикссон отмечает роль офицеров Генерального штаба в формировании РККА и в подготовке командного состава боль-

шевистских вооруженных сил²⁸. Существенный вклад в конкретное изучение этого вопроса внесли советские и российские историки²⁹.

Проблему взаимоотношений командного состава РККА с политическими структурами большевистского режима рассматривает Т. Колтон³⁰. В последние годы опубликованы статьи, монографии, защищены диссертации о деятельности большевистских карательных органов, прежде всего ВЧК. В плане сравнительного анализа деятельность карательных структур у красных и у белых рассматривается А.Л. Литвиным и В.Г. Бортневским³¹.

В последние годы проявляется стремление раскрыть на основе архивных документов взаимоотношения офицерства белых армий с административно-политическими и идеологическими институтами. Создан ряд научных биографий офицеров (в том числе и генштабистов) из различных политических лагерей 1917—1920 годов³².

При всей широте и разнообразии проблем, рассматриваемых историографией, права С. Рапп, указывающая, что «гражданская война остается малоизученной, и лишь немногие историки изучали политическую оппозицию большевикам в этот период»³³. К тому же в освещении социальной роли русского офицерства современная литература не только изобилует «белыми пятнами», но и обнаруживает склонность к мифотворчеству. В существующих исследованиях лишь от случая к случаю затрагиваются вопросы, связанные с судьбой офицеров в 1917—1920 гг. вообще и с социальными настроениями генштабистов в особенности. Историки, как правило, ограничиваются изучением военно-политической деятельности вождей белого движения. Настроения же той части офицерства, которая на различных этапах гражданской войны перешла на службу к большевикам, чаще остаются за рамками исследования.

В трудах об организации и деятельности Красной армии проблема службы «лиц Генерального штаба» в РККА представлена лишь постольку, поскольку это каким-то образом связано либо с ходом боевых операций, либо с военной деятельностью партии большевиков. В тех работах, где эта проблема все-таки рассматривается, освещение ее по разным причинам остается неудовлетворительным. Майзель внес существенный вклад в разработку проблемы социальных настроений генштабистов в 1917 году. Но хронологически его работа ограничена началом 1918 года. Значительный вклад в изучение проблемы внесли в 1960-х — конце 1980-х годов А.А. Буравченков, С.А. Федюкин, А.И. Иовлев, А.Г. Кавтарадзе, Л.М. Спирин. Кавтарадзе впервые в историографии составил «Список лиц Генерального штаба» (всего 474 человека), которые в 1918—1920 гг. находились на службе в РККА³⁴. В этот список, однако, не вошли 227 выпускников Академии, которые в 1918 г. служили у красных, но потом оставили службу из-за ареста ЧК, перехода во враждебный лагерь или по другим причинам (болезнь и пр.).

Слабая сторона современной историографии о службе в РККА офицеров «добольшевистского» Генерального штаба выражается, во-первых, в создании устойчивых мифов относительно мотивации их службы в РККА, во-вторых, в неадекватном отображении тех методов, с помощью которых большевики удерживали генштабистов на своей службе.

В историографии представлено несколько объяснений их службы в РККА. Согласно одному из них, офицеры служили большевистскому режиму, следуя главным образом своему пониманию патриотического долга. «Патриотический» мотив выдвигали еще эмигрантские исследователи. Из рассуждений генштабиста генерал-майора С.А. Щетихина можно понять, что на первом этапе существования РККА, до лета 1918 г., хотя офицеры Генерального штаба верили «в близкое падение новой власти», тем не менее «присутствие врага на фронте, необходимость планомерно провести мобилизацию и спасти огромные запасы оружия и боевых припасов — все это удерживало наиболее сознательное офицерство на местах». Далее автор говорит о «патриотических побуждениях» именно генштабистов: «Около 35% офицеров Генерального штаба у большевиков служило не за страх, а за совесть — по долгу защиты

родины и создания для родины армии»³⁵. Миф о «патриотическом долге» был поддержан как красными мемуаристами, так и рядом современных российских ученых. М.Д. Бонч-Бруевич в мемуарах утверждал, что именно «общий долг перед родиной, подвергшейся подлому германскому нападению», заставил офицеров пойти на службу в РККА. Некоторые современные историки в качестве «основной причины сотрудничества кадров военной интеллигенции с Советской властью» также называют «сильные патриотические чувства к Родине, стремление сохранить Россию как великую державу, отстоять ее независимость», «в период возобновления наступательных действий германских войск»³⁶.

Несостоятельность «патриотизма» как отличительного мотива перехода генштабистов в РККА в 1918 г. раскрыта в работе Майзеля, где доказано, что «патриотический» мотив может истолковываться слишком субъективно, чтобы с его помощью объяснять приход генштабистов на службу в РККА. И белые и красные генштабисты самих себя считали «патриотами», а своих противников из противоположного лагеря — «предателями». В документальных же источниках (многие десятки писем, ходатайств, рапортов и телеграмм 1918 г.), в которых отражены взаимоотношения большевистского военного руководства с выпускниками Академии, с величайшим трудом можно разглядеть какую-либо «патриотическую мотивацию»³⁷.

«Лица Генерального штаба» служили в РККА в основном из профессиональных соображений. Эту концепцию обосновывает Майзель, который полагает, что «военный опыт и преданность военному делу... часто выдвигались как основание решения вступить в Красную Армию». Офицеры «добольшевистского» Генерального штаба, столь верившие в железные законы военной науки, «могли поэтому применять эти законы на основе изменившегося общественного и политического порядка. Тем самым они надеялись найти себе подобающее, по их мнению, место в новой, послереволюционной России». Теорию «профессионального долга» как определяющего фактора лояльной службы в РККА офицеров вообще и «генштабистов» в частности поддерживает и Р. Пайпс³⁸.

Положение о профессионализме как основном мотиве перехода 701 генштабиста в РККА представляется не вполне отвечающим тем настроениям, которые господствовали в среде выпускников Академии к весне 1918 года. Конечно, фактор профессионализма не может быть полностью отвергнут при анализе их поведения, поскольку одним из важнейших условий своей службы в РККА специалисты Генерального штаба в 1918 г. как раз выдвигали восстановление своего статуса — получение в новой армии «должности по Генеральному штабу». Все дело в том, однако, что восстановление собственного служебного положения в новой армии волновало выпускников Академии далеко не только (зачастую и не столько) как возможность профессионального продвижения, но прежде всего как средство разрешения многочисленных «социально-бытовых проблем», как-то: получение более высоких окладов и более удобных должностей, обеспечение собственного здоровья и социального благополучия для себя и своих семей.

Распространен также взгляд, что генштабисты, находившиеся на службе в РККА, всячески стремились уклониться от службы во фронтовых штабах, поскольку не желали участвовать в «братоубийственной» гражданской войне. Из такого представления нередко следует утверждение, что, даже находясь на службе у большевиков, многие «лица Генерального штаба» (например, генералы А.П. Архангельский, Н.Н. Стогов, полковник Л. Носович и др.) стремились устраиваться в большевистские тыловые управления, с тем чтобы там вести антибольшевистскую «подпольную борьбу», а при удобном случае бежать³⁹. Для подобных выводов, однако, нет серьезных оснований.

Во-первых, утверждение о каком-то стремлении «лиц Генерального штаба» укрыться в тыловых штабах, чтобы избежать непосредственного участия в гражданской войне, выдает непонимание предназначения службы Генерального штаба как таковой. Дело в том, что задача Академии как раз и

заклучалась в подготовке штабных, а не строевых кадров армии. Офицеры Генерального штаба, как правило, «несли службу в штабах соединений, военных округов и крепостей», а также в качестве военных агентов за рубежом⁴⁰.

Во-вторых, тот или иной выпускник Академии, даже находясь на службе в тылу, а не в боевых частях РККА, так или иначе участвовал в обеспечении победы большевиков. Например, 22 преподавателя Академии Генерального штаба вплоть до середины июля 1918 г. обучали в Академии командный состав для армии большевиков⁴¹.

В-третьих, тайные «связи» офицеров, находившихся в 1918 г. на службе в РККА, с белыми, например, с Добровольческой армией Деникина, в значительной мере преувеличены: вообще какие-либо контакты между отдельными районами страны в условиях острого транспортного кризиса 1917—1918 гг. чрезвычайно усложнились.

В-четвертых, едва ли верно объяснять случаи перехода генштабистов в белый лагерь из РККА прежде всего политическими (антибольшевистскими) соображениями. Напротив, есть признаки того, что, по крайней мере в 1918 г., такие переходы были обусловлены именно социально-бытовыми мотивами⁴². Кавтарадзе полагает, что «окончившие ускоренные курсы и затем причисленные к Генеральному штабу (выпуски 1917—1918 гг. — В.К.) правильнее, чем старые генштабисты, понимали задачу, поставленную Советской властью перед комсоставом старой армии по созданию новой РККА. Поэтому не случайно, что многие из этих молодых генштабистов затем честно служили в РККА, занимая в ней высшие командные и штабные должности»⁴³.

Подобные попытки доказать наличие «пробольшевистской» мотивации службы в РККА у выпускников 1917—1918 гг. неубедительны. В 1918 г. из 437 штаб-офицеров и генералов, закончивших Академию до 1917 г., на службе в РККА находилось на 267 человек больше, чем обер-офицеров (170 человек). Вообще, нет оснований говорить о каких-либо пробольшевистских симпатиях у «лиц Генерального штаба», находившихся на службе в РККА на протяжении 1918 года. Если бы такие симпатии имели место, то одним из их существенных признаков стало бы раннее (октябрь 1917 — 1918 г.) членство таких лиц в РКП(б) или по крайней мере стремление вступить в партию большевиков. Между тем в изученных автором документах не встречается даже намека на какие-либо подобные попытки. Среди 679 «лиц Генерального штаба», служивших большевикам в 1918 г., кроме полковника М.С. Свечникова, не было ни одного, кто вступил бы в партию большевиков в 1917—1918 годах. Всего же партийными оказались только полковник А.В. Косматов (но с апреля 1919 г.), капитан А.И. Корк (с 6 мая 1927 г.), полковник С.С. Каменев (с 1930 г.), капитан С.А. Пугачев (с 1934 г.)⁴⁴. При этом нет признаков того, чтобы большевики не позволяли бывшим офицерам вступать в РКП(б). Например, среди офицеров военного времени (не причисленных к Генеральному штабу) было как раз немало большевиков.

Миф о трагическом положении старого офицерства вообще и генштабистов в частности на службе у большевиков заключается в том, что офицеры служили в РККА главным образом по принуждению, состоя под надзором большевистских комиссаров, в условиях системы заложничества и под угрозой ареста и расстрела со стороны ЧК. Отсюда делается вывод, что положение «лиц Генерального штаба» в РККА якобы было весьма тяжелым. Этот миф зародился в среде эмиграции. Еще Белоруссов писал, что «наиболее многочисленную группу» старого офицерства «загнал» в ряды РККА не только голод, но также «страх и принуждение». В 1930-е годы эмигрант Шепихин заявил, что большевики «удерживали в рамках лояльности под неустанным бдительным надзором старое кадровое офицерство». Зайцов утверждал, что «создание политического контроля над командным составом в лице института военных комиссаров позволило советской власти довольно широко использовать специалистов в виде офицерского состава старой армии».

В этом вопросе эстафету у эмигрантских авторов перехватили некоторые современные ученые. О «трагизме людей, вынужденных защищать чуж-

дую им власть, к тому же под контролем и присмотром не доверявших им политических комиссаров» пишет Е.Г. Гимпельсон. Большинство из них, по его мнению, «с колебаниями и переживаниями вступали на службу Красной Армии... под угрозой репрессий». В.В. Конорев полагает, что «аресты, обыски, конфискации имущества, практика заложничества и расстрелы офицеров отвернули от советской власти даже тех, кто поначалу относился к ней нейтрально, и значительно сократили число тех, кто уже готов был служить ей добровольно». С.В. Леонов считает, что большевикам удалось привлечь бывших офицеров на службу в РККА «главным образом при помощи массированного насилия», и если бы не такая система насилия, «могла рухнуть вся Красная Армия». По мнению Пайпса, «к октябрю 1918 г. не менее 8 тыс. бывших офицеров содержались в тюрьмах в качестве заложников политики красного террора»⁴⁵.

Сомнения относительно трактовки страха как основного фактора верной службы бывших генштабистов в РККА у историков все же возникают. Еще в 1944 г. Д. Федотов-Уайт назвал «страх» «очень узким объяснением поступков тех бывших офицеров старой армии, которые приняли командные посты в Красной Армии». Делаются попытки выдвинуть концепции, отличные от «патриотизма» и «профессионализма». Пайпс косвенным образом признал, что офицерам старой армии в РККА «нужны были оклады и статус, ограждающий их от преследования». О. Файджес, объясняя поведение офицеров, выразился еще яснее: «Самым обычным мотивом была просто нужда найти работу: на сторону Советов привлекало офицеров стремление к собственному спасению, а не желание выдвинуться. Большинство из них потеряло свои военные пенсии, являвшиеся для них часто единственным средством существования, и им, таким образом, приходилось гораздо труднее, чем представителям прочих низвергнутых классов старой России»⁴⁶. Замечания, подобные приведенным высказываниям Пайпса и Файджеса, не являются результатом специального исследования проблем, связанных со службой в РККА офицеров «добольшевистского» Генерального штаба, но представляются наиболее близкими к истине.

В силу крайней нужды в «специалистах Генерального штаба», способных создать боеспособную регулярную армию, большевики на протяжении 1918 г. позволили этим специалистам практически полностью восстановить свой служебный и материальный статус. В таких условиях отношение большевиков к «лицам Генерального штаба», привлекаемым на службу в РККА, в частности, в определении их внутреннего статуса в этой армии, выглядело значительно более мягким по сравнению с отношением тех же большевиков к другим категориям офицерства, даже служившим в РККА, но не имевшим отношения к Генеральному штабу. Такая «мягкость» большевистского режима проявилась в следующем:

1. Генштабистам в РККА были обеспечены большевиками значительно более выгодные, чем другим категориям комсостава РККА, материальные и служебные условия, им облегчалось решение социально-бытовых проблем;

2. Взаимоотношения «лиц Генерального штаба» с большевистскими комиссарами в РККА в 1918 г. определялись скорее личными взаимоотношениями между ними, нежели официальным статусом комиссара как «согласованная», приставляемого к командирам для контроля;

3. Террор ЧК, жестокий применительно к бывшему офицерству в целом, особенно по отношению к не состоявшим на службе в РККА, в отношении генштабистов, находившихся на службе в РККА, оказался на деле весьма ограниченным: за весь 1918 г. едва ли было арестовано 30 выпускников Академии (из 679 — 4,4%), причем многих из них быстро освободили.

4. С лета 1918 г. большевики проводили одну за другой мобилизации бывших офицеров на службу в РККА (первая мобилизация была объявлена 29 июля 1918 г.), однако офицеры Генерального штаба в 1918 г. под действие таких мобилизаций фактически не попали.

Известная «мягкость» большевистских властей по отношению к «лицам

Генерального штаба» и высокая «материально-бытовая» мотивация этих специалистов привели к тому, что, во-первых, генштабисты к концу 1918 г. фактически заняли ведущие служебные должности не только в штабах действующей армии, но и во всей структуре военного управления большевистских вооруженных сил. В этом отношении можно сказать, что для 679 «специалистов Генерального штаба» 1918 год стал годом успешной служебной «адаптации» в РККА. Во-вторых, большевики, несмотря на крайне несовершенную систему учета и регистрации, к концу 1918 г. сумели привлечь к себе на службу значительно больше «лиц Генерального штаба», чем это удалось руководителям белого движения. В итоге, фактор количественного и качественного превосходства генштабистов, служивших в РККА на различных этапах 1918 г., в значительной степени обеспечил большевикам победу в гражданской войне 1918—1920 годов.

Примечания

1. ДЕНИКИН А.И. Путь русского офицера. Париж. 1953, с. 86—90, 99, 118; САМОЙЛО А.А. Две жизни. Л. 1963, с. 64—65, 74—77, 85; ШАПОШНИКОВ Б.М. Воспоминания. М. 1982, с. 121, 126—130, 137—159; FULLER W.C. Civil-Military Conflict in Imperial Russia, 1881—1914. Princeton, N.J. 1985, p. 13, 15, 32—36; BUSHNELL J. The Tsarist Officer Corps, 1881—1914. — American Historical Review, vol. 86 (October 1981), p. 762; KENEZ P. Russian Officer Corps Before the Revolution. — Russian Review, vol. 31, № 3 (July, 1972), p. 227; RAY O.A. Imperial Russian Army Officer. — Political Science Quarterly, № 76 (1961).
2. У разных авторов эта цифра (на осень — конец 1917 г.), колеблется от 1350 человек (Л.М. Спирин), 1494—1454 (А.Г. Кавтарадзе) вплоть до 1600 человек (Г.Х. Эйхе) (СПИРИН Л.М. В.И. Ленин и создание советских военных кадров. — Военно-исторический журнал (ВИЖ), 1965, № 4, с. 12; КАВТАРАДЗЕ А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917—1920 гг. М. 1988, с. 186; ЭЙХЕ Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. М. 1961, с. 292). Различие оценок численности офицеров Генерального штаба к концу 1917 г. может также зависеть от учета или неучета еще около 250 обер-офицеров, закончивших к этому времени ускоренные курсы Академии. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 33892, оп. 1, д. 11, л. 1—5об.
3. ДЕНИКИН А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. М. 1991, с. 369.
4. РГВА, ф. 40895, оп. 1, д. 170383, 170386; Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (составлен по данным к 1 марта 1923 года). М. 1923, с. 143; Список Генерального штаба (исправлен по 3 января 1917 г., с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.). Пг. 1917, с. 97, 147; РУТЫЧ Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М. 1997, с. 152—155.
5. Список Генерального штаба (исправлен по 3-е января с приложением изменений по 8 февраля 1917 г.) (Список Генерального штаба). Пг. 1917, с. 49, 106, 122; Известия Народного комиссариата по военным делам, № 76, 30.VII.1918; РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 97, 51об., 54, 55; ф. 33892, оп. 1, д. 39, л. 61; РУТЫЧ Н. Ук. соч., с. 152—155, 217—218, 237.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 109, д. 41, л. 6—6об.; ЗВЯГИН С.П. Сибирь в период гражданской войны. Кемерово. 1995, с. 80.
7. РГВА, ф. 33892, оп. 1, д. 39, л. 56—59об.; Список Генерального штаба, с. 73—153; Приказы армии и флоту о военных чинах сухопутного ведомства, март—октябрь 1917 г.). Б.м. и г. (Военный отдел Российской государственной библиотеки).
8. РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 97, л. 55; ф. 40895, оп. 1, д. 2378; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Сб. док. Т. 1. М. 1971, с. 783; Список лиц с высшим общим военным образованием, состоящих на службе в РККА (составлен по данным к 1 марта 1923 г.) [М. 1923], с. 4, 125; The Trotsky Papers, 1917—1922. Vol. 1. Mouton and Co. 1964, p. 111; Приказы РВСР, №№ 20, 39, 57.
9. РГВА, ф. 3, оп. 1, д. 51, л. 96; Известия народного комиссариата по военным делам, № 17, 18.V.1918.
10. Подсчитано автором по следующим материалам: РГВА, ф. 33892, оп. 1, д. 37, л. 1—7об.; д. 39, л. 56—61об.; РУТЫЧ Н. Ук. соч.; Боевые расписания белых армий. — Белая Гвардия, 1997, № 1, с. 72—94; Боевой состав ВСЮР на 5 октября 1919 г. — Там же, 1998, № 2; с. 69—96.
11. КАВТАРАДЗЕ А.Г. Ук. соч., с. 203—206, 208—209, 259—262.
12. БАЙОВ. Генеральный штаб во время гражданской войны. — Часовой, 1932, № 84, с. 3—4;

- ГОЛОВИН Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж. 1939; ЗАЙЦОВ А. 1918 год. Париж. 1934; ВЕРНАДСКИЙ Г. Ленин — красный диктатор. М. 1998; МЕЛЬГУНОВ С.П. Трагедия адмирала Колчака. Ч. 1. Белград. 1930; ЕГО ЖЕ. Как большевики захватили власть. Париж. 1953; ЕГО ЖЕ. Красный террор в России. Нью-Йорк. 1979; РУТЫЧ Н. Ук. соч.
13. Гражданская война 1918—1921 гг. Т. 1. М. 1928; БОЛДЫРЕВ В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск. 1926, с. 505—532 (примечания); СКЕРСКИЙ К.В. Красная Армия в освещении современников, белых и иностранцев 1918—1924 гг. М.-Л. 1926.
 14. БЕСКРОВНЫЙ Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. М. 1986; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М. 1973; ЕГО ЖЕ. Русский офицерский корпус на рубеже двух столетий (1881—1903). — ВИЖ, 1971, № 8; ЕГО ЖЕ. Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной. — Вопросы истории, 1981, № 4; КАВТАРАДЗЕ А.Г. Ук. соч.
 15. ВОЛКОВ С.В. Русский офицерский корпус. М. 1993; ГАНИН А.В. Белые генералы. М. 1998; КЛАВИНГ В.В. Кто был кто в Белой гвардии и военной контрреволюции 1917—1923 гг. СПб. 1998; КОНСТАНТИНОВ С.И. Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург. 1997; ЦВЕТКОВ В.Ж. Петр Николаевич Врангель. — Вопросы истории, 1997, № 7; ЧЕРКАСОВ-ГЕОРГИЕВСКИЙ В. Генерал Деникин. Смоленск. 1999; ШАМБАРОВ В. Белогвардейщина. М. 1999; БОРТНЕВСКИЙ В.Г. Избр. труды. СПб. 1999; ЕГО ЖЕ. Белая разведка и контрразведка на Юге России во время гражданской войны. — Отечественная история, 1995, № 5.
 16. БУЛДАКОВ В.П. Красная смута. М. 1997; ГИМПЕЛЬСОН Е.Г. Советские управленцы 1917—1920 гг. М. 1998; ФЕДЮК В.П. Белое движение на юге России 1917—1920 гг. Докт. дис. Ярославль. 1995; ЛАРЬКОВ Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. Томск. 1995; ЛЕОНОВ С.В. Рождение советской империи. М. 1997; ЛИВШИЦ И.И. О роли кадровых офицеров в гражданской войне. — Вопросы истории, 1993, № 6; МОЛОДЦЫГИН М.А. Красная Армия: рождение и становление. 1917—1920. М. 1997; РАТЬКОВСКИЙ И.С. ВЧК и политика Красного террора в Советской России в 1918 г. Канд. дис. СПб. 1995; ШИЛОВСКИЙ М.В. Размежевание офицеров русской армии на востоке страны в 1917—1919 гг. В кн.: Актуальные вопросы гуманитарных наук. Новосибирск. 1999; ВОЙНОВ В.М. Офицерский корпус белых армий на Востоке страны. — Отечественная история, 1994, № 6.
 17. FITZPATRICK Sh. The Russian Revolution 1917—1932. Oxford University Press. 1984; HAIMSON L. The Problem of Social Stability in Urban Russia. 1905—1917. — Slavic Review, 1964, Vol. 23 (December); 1965, vol. 24 (March); EJUSDEM. Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia. — Ibid., 1988, Vol. 47, № 1; MANDEL D. Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power. N.Y. 1984; RABINOVICH A. Bolsheviks Come to Power (the Revolution of 1917 in Petrograd). N.Y. 1976; ROSENBERG W.G. Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional Democratic Party, 1917—1921. Princeton, N.J. 1974; SMITH S.A. Red Petrograd: Revolution in the Factories. Cambridge. 1983.
 18. BROVSKIN V.N. Behind the Front Lines of the Civil War. Princeton. 1994; EJUSDEM. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы. — Вопросы истории, 1994, № 5; KEEP J. Lenin's Time Budget. In: Revolution in Russia. Cambridge. 1992; KENEZ P. Civil War in South Russia, 1918. Berkely & Los Angeles. 1971; EJUSDEM. Civil War in South Russia. 1919—1920. University of California Press. 1977; LEGGETT G. The CHeKa: Lenin's Political Police. Oxford. 1981; MAWDSLEY E. The Russian Civil War. Boston. 1987; PIPES R. The Russian Revolution (1899—1919). N.Y. 1991; ПАЙПС Р. Россия при большевиках. М. 1997; SWAIN G. The Origins of The Russian Civil War. N.Y. 1996; WILDMAN A.K. The End of the Russian Imperial Army. Vols. 1—2. Princeton, N.J. 1980, 1987.
 19. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П.А. Указанные соч.; МАШКИН Н.А. Высшая военная школа Российской империи в XIX — начале XX в. М. 1997; МОРОЗОВ С.Д. Военное образование в России. — ВИЖ, 1998, № 5; ОБРАЗЦОВ И.В. Российские офицеры. — Там же, 1994, № 2-3.
 20. ФРЕНКИН М. Русская армия и революция, 1917—1918. Мюнхен. 1978; WILDMAN A.K. Op. cit.; EJUSDEM. Officers of the General Staff and Kornilov movement. In: Revolution in Russia.
 21. JONES D.R. The Officers and the October Revolution. — Slavic Studies, 1976, Vol. 28; EJUSDEM. The Officers and the Soviets. 1917—1920. — Soviet Armed Forces Review, 1. S.a.; MAYZEL M. Generals and Revolutionaries. Osnabrück. 1979.
 22. Цит. по: СКЕРСКИЙ К.В. Ук. соч., с. 41—42.
 23. ВОЙНОВ В.М. Ук. соч., с. 51—64; ЛАРЬКОВ Н.С. Ук. соч.; ЛИВШИЦ И.И. Ук. соч.; ШИЛОВСКИЙ М.В. Ук. соч.
 24. BRADLEY J.F.N. Civil War in Russia 1917—1920. Lnd.-Sydney. 1975; CHAMBERLIN W.H. The Russian Revolution. Vol. 2. N.Y. 1965; FOOTMAN D. Civil War in Russia. Westport, Conn. 1961; LUCKETT R. The White Generals. N.Y. 1972; MAWDSLEY E. The Russian Civil War. Boston. 1987; PIPES R. The Russian Revolution.; ЕГО ЖЕ. Россия при большевиках

25. FLEMING C. The Fate of Admiral Kolchak. Lnd. 1963; KENEZ P. Civil War in South Russia. Vols. 1—2. Berkely & Los Angeles. 1971, 1977; SMELE J.D. Civil War in Siberia. Cambridge. 1996; ВОЙНОВ В.М. Интеллигенция Урала в годы революции и гражданской войны. Канд. дис. М. 1991; ЕГО ЖЕ. Офицерский корпус белых армий; КОНСТАНТИНОВ С.И. Ук. соч.; ШИЛОВСКИЙ М.В. Ук. соч.; ФЕДЮК В.П. Ук. соч.
26. БАИОВ. Ук. соч.; ГОРЯИНОВ И. Офицеры Генштаба в великой войне и в русской смуте. — Часовой, 1979, № 620; ЗАЙЦОВ А. Ук. соч., с. 177—187.
27. Цит. по: СКЕРСКИЙ К.В. Ук. соч., с. 40—41.
28. BENVENUTI F. The Bolsheviks and the Red Army, 1918—1922. Cambridge. 1988; ERICKSON J. The Origins of the Red Army. In: Revolutionary Russia. Cambridge, Mass. 1968; EJUSDEM. Soviet High Command (A Military-Political History 1918—1941). Lnd. 1962, p. 32; FEDOTOFF-WHITE D. The Growth of The Red Army. Princeton. 1944; FIGES O. The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918—1920. — Past and Present, 1990, № 129; MAWDSLEY E. Op. cit.; SEATON A. & J. The Soviet Army. N.Y. 1988.
29. ЕГОРОВ Е.Д. Создание и деятельность войск заavery в 1918 г. Канд. дис. М. 1989; ИОВЛЕВ А.М. Разработка и осуществление ленинской политики в отношении специалистов старой армии (1917—1920 гг.). — Вопросы истории КПСС, 1968, № 4; ФЕДЮКИН С.А. Об использовании военных специалистов в Красной Армии. — ВИЖ, 1962, № 6; ЕГО ЖЕ. Советская власть и буржуазные специалисты, М. 1965.
30. COLTON T.J. Commissars, Commanders, and Civilian Authority. Cambridge, Mass. 1979; EJUSDEM. Military Councils and Military Politics in the Russian Civil War. — Cambridge Slavonic Papers, 1976, Vol. 18, № 1 (March).
31. ЛИТВИН А. Красный и белый террор в России (1918—1922). Казань. 1995; РАССКАЗОВ Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917—1941 гг.). Уфа. 1994; РАТЬКОВСКИЙ И.С. Ук. соч.; ЕГО ЖЕ. Превентивная политика ВЧК в 1918 г. В кн.: Политический сыск в России. СПб. 1997; РОЖКОВ А.Ю. Политический контроль в Красной Армии. Там же; LEGGETT G. Op. cit.; PATTERSON M.J. Moscow Chekists during the Civil War, 1917—1927. Simon Fraser University. 1991; BORTNEVSKII D.G. White Administration and White Terror. — Russian Review, 1993, Vol. 52 (July); ЕГО ЖЕ. Белая разведка и контрразведка.
32. KENEZ P. The Ideology of the White Movement. — Soviet Studies, 1980, Vol. 32 (January); LAZARSKY C. White Propaganda Efforts in the South during the Russian Civil War. — Slavonic and East-European Review, 1992, vol. 70 (October); RUPP S.Z. The anti-Bolshevik opposition in 1917. Stanford University, 1992. Ph.D. diss.; SMITH S.B. The Party of Socialists-revolutionaries in the Russian Civil War. Ph.D. diss. Harvard University. 1995; HERETZ L. The Psychology of the White Movement. In: The Revolution and the Civil Wars. New Haven and Lnd. 1997; KENEZ P. A.I. Denikin. — The Russian Review, 1974, vol. 33; SWAIN G. Russia's Garibaldi: The Revolutionary Life of Mikhail Artemevich Muraviev. — Revolutionary Russia, 1998, Vol. 11 (December); ДРОКОВ С.В. Александр Васильевич Колчак. — Вопросы истории, 1991, № 3; ПАПАКИН П.В. Павел Петрович Скоропадский. — Там же, 1997, № 9; ЦВЕТКОВ В.Ж. Петр Николаевич Врангель. Там же, № 7; ЖУРАВСКАЯ И.Л. Полковник К.И. Рябцев. — Отечественная история, 1998, № 4; ТРУКАН Г.А. Верховный правитель России. — Там же, 1999, № 6.
33. RUPP S.Z. Conflict and Crippled Compromise. — Russian Review, 1997, № 56 (April), p. 249.
34. КАВТАРАДЗЕ А.Г. Ук. соч., с. 236—258. И до Кавтарадзе учеными делались попытки, хотя и в меньших количественных масштабах, биографической систематизации корпуса Генерального штаба РККА 1918—1920 гг. (Директивы командования фронтов, примечания, с. 761—784; The Trotsky Papers 1917—1922, p. 98—99, 110—111, 119, 140—141, 167, 212—213, 248, 364, 398, 542, 596, 607, 772—773.)
35. ЩЕПИХИН С.А. Под стягом Учредительного собрания. В кн.: Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. I. Изд. Общества участников Волжского движения. 1930, с. 179.
36. БОНЧ-БРУЕВИЧ М.Д. Вся власть Советам. М. 1964, с. 258, 285—286; ВОИНОВ В.М. Интеллигенция Урала, с. 132; КОНОРЕВ В.В. Решение задачи обеспечения Красной Армии командным составом в период ее строительства. В кн.: Опыт и уроки развития российской армии. СПб. 1996, с. 96.
37. MAYZEL M. Op. cit., p. 221—223. См. напр.: РГВА, ф. 1, оп. 1, д. 247, 253, 263; ф. 3, оп. 1, д. 36, 42, 51, 53, 57, 71, 92; ф. 4, оп. 3, д. 1609; ф. 11, оп. 4, д. 29, л. 115, 116; оп. 5, д. 90, 97, 122; оп. 6, д. 96, 107, 115, 125, 132, 133, 134; РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 406, л. 151—151об.
38. MAYZEL M. Op. cit., p. 222—223, 225; PIPES R. The Russian Revolution, p. 609.
39. См. напр.: РУТЫЧ Н. Ук. соч., с. 33—35, 230—231; СОФИНОВ П.Г. Очерки по истории ВЧК. М. 1960, с. 83, 126.
40. Николаевская Академия Генерального штаба, СПб. 1904, с. 3; ПОЛОВЦОВ А. Дни затмения. М. 1999, примеч., с. 224; РГВА, ф. 1, оп. 5, д. 97, л. 60—62об.; оп. 6, д. 91, л. 16—19об., 23—24об. Обязательный строевой ценз командования ротой (не более 1-2 лет) служил для выпускников Академии своеобразным «трамплином» для штабной карьеры. См.: ДЕНИ-

- КИН А.И. Путь русского офицера, с. 127; САМОЙЛО А.А. Ук. соч., с. 77; Постигение военного искусства. — Российский военный сборник, т. 15. М. 1999, с. 657; ШАПОШНИКОВ Б.М. Ук. соч., с. 166, 178. Не случайно в строевых частях их называли «моментами».
41. РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 90, 11, 66—69, 119—120; ф. 33892, оп. 1, д. 4, л. 177об., 178об., 398—400об., 489; д. 88, 89.
 42. ВАЦЕТИС И.И. Гражданская война. 1918 год. В кн.: Память. Исторический сб. Вып. 2. М. 1977; Paris. 1979, с. 49.
 43. КАВТАРАДЗЕ А.Г. Ук. соч., с. 71—72.
 44. РГВА, ф. 40895, оп. 1, д. 127872, 127874, 130705—130707, 221868, 221871; СУВЕНИРОВ О.Ф. Трагедия РККА, 1937—1938. М. 1998, с. 373—442, 375, 379. В числе прочих документов автором изучено 210 учетных и служебных карточек «лиц Генерального штаба», служивших в РККА в 1918 году (РГВА, ф. 11, оп. 5, д. 122, л. 450, 453; оп. 6, д. 107, л. 131, 389—392, 396; д. 133, л. 48об.; ф. 40895, оп. 1, д. 2210—30346).
 45. ГИМПЕЛЬСОН Е.Г. Ук. соч., с. 113; КОНОРЕВ В.В. Ук. соч., с. 97; ЛЕОНОВ С.В. Ук. соч., с. 239, 274; СКЕРСКИЙ К.В. Ук. соч., с. 41; ЩЕПИХИН С.А. Ук. соч., с. 178; ЗАЙЦОВ А. Ук. соч., с. 182; ПАЙПС Р. Ук. соч., с. 66.
 46. FEDOTOFF-WHITE D. The Growth of the Red Army, p. 68; ПАЙПС Р. Ук. соч., с. 66; FIGES O. A People's Tragedy. Pimlico edition. 1996, p. 591.